

Космическая технополитика и постколониальная современность в Казахстане

Нелли Бекус

Эксетерский университет, Эксетер, Великобритания

E-mail: n.bekus@exeter.ac.uk

<https://orcid.org/0000-0001-7206-0019>

DOI: 10.32523/2616-7255-2022-141-4-218-238

Аннотация. В данной статье рассматривается роль космической технополитики в постсоветском Казахстане. Используя концепцию постколониального фетиша современности, статья исследует каким образом космические технологии как артефакт глобального значения работают на создание имиджа Казахстана как технологически развитой нации. В статье показывается, что в своем стремлении стать космической державой страна воспроизводит основные мотивы, которые стояли за развитием ядерных и космических программ в постколониальных странах Глобального юга. Сотрудничество с Россией позволяет Казахстану претендовать на свою долю в советском космическом наследии, а не дистанцироваться от него. В то же время казахстанская космическая программа развивает стратегию «нового интернационализма» сотрудничая с разными странами за пределами постсоветского пространства. Статья вносит вклад в дискуссию о постколониальной технополитике и показывает, как космические технологии и наука могут быть служить сферой расширения традиционной области постколониальных национальных идеологий, ориентированных на возрождение традиции. Кроме того, в статье также рассматривается оппозиция государственной космической программе, сформированная группами гражданского общества Казахстана. Это сопротивление космосу выявляет тесную связь чисто экологической повестки с «эко-национализмом», который соединяет в себе антиимперский и антиавторитарный политический дискурс.

Ключевые слова: постколониальная современность; космическое пространство; технополитика; Казахстан; национализм; интернационализм.

Received 27.09. 2022. Revised 01.10.2022. Accepted 15.10. 2022. Available online 30.12.2022.

For citation:

Nelly Bekus. Outer space techno-politics and postcolonial modernity in Kazakhstan // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2022. – Vol. 141. – No. 4. – P. 218-238. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-141-4-218-238.

Для цитирования:

Нелли Бекус. Космическая технополитика и постколониальная современность в Казахстане // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2022. – Т. 141. – №. 4. – С. 218-238. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-141-4-218-238.

Введение

10 февраля 2021 года Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев от имени народа Казахстана поздравил Наследного принца Абу-Даби шейха Мохаммеда бен Заид Аль Нахайян с великим свершением, достигнутым Соединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) – выведением спутника «Аль-Амаль» на орбиту Марса. В своем обращении Президент К. Токаев не только поприветствовал ОАЭ в рядах космических держав, но и выразил уверенность в реализации будущей совместной космической программы Казахстана и ОАЭ на всемирно известном космодроме Байконур (Inform.kz, 2021). В данной статье рассматривается, как космическая технopolитика Казахстана, начавшаяся как история вынужденного взаимодействия с советской космической инфраструктурой – Байконуром, унаследованным страной в 1991 году, превратилась в важный инструмент формирования имиджа Казахстана как технологически развитой страны, строящей свои союзы на международной арене и мобилизующей свои научно-технические ресурсы для формирования новой глобальной идентичности страны.

Существующие публикации о симптомах постколониальной политики и идентичности на постсоветском пространстве указывают на полезность продуктивного взаимодействия постсоветских исследований с постколониальной теорией. В статье ставится задача рассмотреть неоднозначность казахстанского проекта формирования современной нации через призму концепта «постколониальный модерн» на примере казахстанской технopolитики космоса. Технopolитика как особая категория анализа здесь понимается как набор практик создания и/или использования технологии для достижения политических целей. Она функционирует как гибридная система власти заложенной в технологических артефактах, системах и практиках (Hecht 2011). Казахстанская стратегия признание

опыта социалистической модернизации как своего, а не его отрицания как навязанного извне колониального проекта, и создание на его основе своего национального нарратива, представляет собой пример прагматичной политики, которая способствует развитию ориентированного на будущее казахстанского техно-национализма. В основе данной стратегии лежит переработка и использование наследия советской космической программы для формирования образа глобального, процветающего и технологически развитого независимого национального государства.

Достижения в использовании космоса и их растущее влияние на многие аспекты повседневной жизни не только послужили объединению всего мира, но и укоренили раздел между теми, кто имеет доступ к технологиям, и теми, у кого его нет (Kellner, 2001). Космические амбиции периферийных постколониальных наций в этом контексте возникают как ответ на эту новую форму неравенства, продиктованный желанием избежать статуса, отстающего в развитии, заново построить национальную идентичность и обозначить свое место на глобальной карте современности. «Постколониальный» в этом контексте относится не к хронологическому горизонту (после колониального периода), а к такому положению современности, в котором новым субъектам приходится приспосабливаться к глобальным условиям, в которых правила самой политической субъектности и государственности, а также критерии современности были заранее определены другими агентами (Abraham, 1998).

Исследование технopolитики позволяет раскрыть элементы этой сложной динамики на постсоветском пространстве, которые мало изучены в работах посвященных постколониальности региона, где по-прежнему доминируют исследования культуры, памяти и национализма (Бисенова, Медеуова, 2016), или авторитаризма (Schatz, 2008). В последнее время появились отдельные публикации, посвященные таким важным темам как экологическая политика, влияние

ядерной программы или радиации на социум, программирование и кибернетика. Эта статья привносит в эту дискуссию вопросы социально-политического значения космических программ и рассматривает, как правящие элиты Казахстана используют наследие советского космоса как особый ресурс в государственном строительстве. В исследованиях о космосе традиционно доминировали вопросы геополитики, проецируемые на космос, с акцентом на безопасность и военные цели в использовании космоса. Развитие социальных исследований космоса открыла новые перспективы на космические технологии и науки, выявляя их политическое, социальное и культурное значение (Andrews & Siddiqi, 2011). В большинстве существующих работ, однако, исследуется социальное влияние космических программ в странах Глобального севера, который по-прежнему считается единственным центром достижений в области космических технологий (Sage, 2014). Подчеркивая растущее значение космических технологий и науки как в управлении национальной идентичностью, так и в самоутверждении на мировой арене образа развитой казахстанской нации, данная статья демонстрирует необходимость понимания технopolитики как важного измерения национального и государственного строительства вне контекста ведущих космических держав. Для анализа социальных и политических функций космоса, в статье используется концепция постколониального «фетиша» современности (Pietz, 1993). Она позволяет продемонстрировать как прогресс в космических технологиях одновременно служит как индикатором желания и стремления к развитию, так и подтверждением, манифестацией этого желаемого статуса.

Опираясь на анализ официальных документов, публичных дискуссий и сообщений в СМИ, в статье исследуется, как в контексте недавно обретенной Казахстаном независимости космос используется для развития темпоральности будущего в рамках

его национальной идеологии. Связанные с космосом высокие технологии и наука дополняют и усиливают традиционную ретроспективную темпоральность постколониальной нации, которая часто фокусируется на культурных традициях. Для достижения этой цели в статье сначала рассматриваются новые аспекты в исследованиях технopolитики, возникающие при смещении фокуса со сверхдержав времен холодной войны. Далее в статье показывается связь между ориентированными на будущее космическими технологиями и стратегической перестройкой национального «я» на мировой и на внутренней арене. В следующих разделах статьи описывается советский и постсоветский статус Байконура, как воплощения советской космической модерности и его наследия в Казахстане. Постсоветская история Байконура является примером того, как национализирующий дискурс правящих элит объединяет историю советской космической программы и национальный нарратив казахстанского научно-технического развития, «присваивая» советские технологические достижения ради казахстанского технологического будущего. Далее анализ переходит к концептуальному описанию космических технологий как особого «фетиша» модерности, который «подменяет» развитие нации, предоставляя символические средства, необходимые для реализации ее устремлений и будущих достижений. В заключительном разделе статьи рассматривается критика официальной космической политики со стороны казахстанских гражданских активистов, таких как «Анти-Гептил», которые рассматривают космическую программу как проявление неокOLONиализма, наносящее вред как природе Казахстана, так и обществу. В статье эти протесты исследуются как неотрывно связанные с глобальной экологической повесткой, оформленной в терминах универалистских категорий, но в то же время сохраняющие тесную связь с «эко-национализмом», проникнутым, антисоветским, антироссийским, а также антиавторитарным дискурсом.

Технополитика за пределами сверхдержав холодной войны

Термин «технополитика» был придуман для объяснения «способности конкурирующих акторов предвидеть и претворять в жизнь политические цели с помощью технологических артефактов» (Gagliardone, 2014: 3). Во время холодной войны впечатляющие научно-технические достижения служили для демонстрации геополитического статуса и успеха той или иной модели модернизации и развития. Первоначально в вопросе о политическом использовании технологий преобладали исследования в области технополитики с точки зрения главных геополитических игроков, таких как США, Европы и Советского Союза. Ядерная энергетика, вычислительная техника и космос представляли собой три основные технологические системы, в которых разыгрывалась конкуренция между идеологическими блоками. Эти технологии сами по себе не были политическими, как признают Эдвард и Хехт, но практика их использования в политических процессах и/или с политическими целями являет собой пример технополитики.

Изучение социальных и политических функций технологий вне контекста сферы соперничества сверхдержав, позволяет нам увидеть, более широкий спектр значений технополитики. С 1950-х по 1970-е годы в таких странах, как Индия, Китай, Южная Африка и Израиль, технополитика предлагала ответ на множество вопросов, таких как обеспокоенность по поводу глобального статуса, успех деколонизации, престиж «местных» ученых и инженеров и стремление к полноправному участию в развитии современной научной и технологической инфраструктуры. (Gagliardone, 2014). Множество таких примеров подтверждают наличие транс-региональную динамики, в которой символические и материальные ресурсы технологических систем переплетаются с поиском нациями убедительных инструментов саморепрезентации на различных этапах

консолидации национального государства на глобальной арене.

В некоторых странах, в том числе в постколониальной Индии 1950-х и 1960-х годов, технологические достижения рассматривались как средство артикуляции и укрепления национальной идентичности, которое достигалось посредством объединения идей национального возрождения и прогресса, современности, и независимости. Индийские ученые и технологи видели в технологиях способ ускорения развития своей страны. Основная цель индийской ядерной программы, несмотря на все противоречия и моральные дилеммы, состояла в том, чтобы обозначить место Индии на международной научно-технологической карте мира (Перкович, 1999: 282).

Подобное стремление утвердить национальный престиж и получить статус технологической державы на международной арене лежало в основе израильской космической программы. В 1961 году, когда было сделано официальное объявление о первом в стране запуске ракеты, премьер-министр Давид Бен-Гурион заявил, что этот запуск «доказал способность израильских ученых. Вся ракета сделана в Израиле» (Haaretz, 2010). На веб-сайте Израильского космического агентства (созданного в 1983 году) история «Бело-голубого космоса» представлена как история выдающихся технологических достижений израильской нации, которая стала восьмой в мире страной, запустившей спутник в космос. Это еще раз подтверждает, что участие в процессе освоения космоса обеспечило Израилю значимое место в глобальном мире.

Согласно Мольцу (2012), с окончанием холодной войны мир вступил во «вторую космическую эру», которая характеризуется новыми геополитическими таксономиями. Международная система новой эры в большей мере состоит из множества крупных и мелких акторов, вовлеченных в освоение космоса, нежели из биполярных отношений двух космических держав. Для неё также характерна повышенная взаимозависимость и обмен, поскольку типичные космические

корпорации в настоящее время являются многонациональными, полагаются на использование технологий из более чем одной страны и продают свои продукты и услуги по всему миру. Еще одним символом второй космической эры является смещение эпицентра космической деятельности в Азию: помимо США, России и стран, входящих в Европейское космическое агентство (ESA), множество быстро развивающихся космических программ находятся в этом регионе. Наряду с Китаем, Индией, Японией и Южной Кореей – странами, которые традиционно занимают лидирующие позиции в Азии в освоении космоса – такие страны как Австралия, Индонезия, Малайзия, Северная Корея, Пакистан, Сингапур, Тайвань, Таиланд и Вьетнам теперь имеют собственные космические программы. Страны Центральной и Южной Америки, а также арабского мира участвуют в развитии космической науки, которая таким образом превращается в новую площадку, где национальные и региональные интересы реализуются через международным сотрудничество и космополитическим мышлением о мире (Determann, 2018).

Казахстан с его стремлением вступить в клуб космических держав разделяет многие мотивы стран Глобального юга по развитию космических программ. По сути, для полупериферийных или постколониальных государств, недавно получивших независимость, «интернационализация» – не просто условие, а заветная ценность, помогающая повысить их рейтинг в мировой иерархии (Бекус 2021). Участие в развитии космических технологий, опирающееся на международное сотрудничество, становится одним из путей достижения желаемого международного восприятия страны.

Утверждающая современность космоса

Начиная с 1970-х годов, космос стал олицетворением «модерности» и инструментом получения новых экономических и социальных выгод от применения передовых космических

технологий для решения текущих проблем. Космические возможности долгое время ассоциировались с прогрессивной государственностью, являясь подтверждением «технологического мастерства» нации и ее положения на мировой арене (Mieczkowski, 2013). Как и в случае многих постколониальных государств второй половины 20 века, космическая программа Казахстана, инициированная элитами, воспроизводит сложные дилеммы которые возникали в процессе определения направления развития страны и ее места в мире.

Официальная казахстанская технopolитика часто встречается с сопротивлением со стороны тех, для кого казахская национальная традиция и культура находится исключительно вне советского проекта модернизации. Советское, по их мнению, является внешним и анти-казахским в силу его радикально-преобразующего и навязанного характера. Это противостояние воспроизводит ту постколониальную напряженность между современной наукой и техникой и жизненно важными элементами социокультурного наследия, которое можно наблюдать во многих странах Южной Азии (Арнольд, 2000). В своей технopolитике, однако, казахстанское государство стремится дополнить ретроспективную национальную идею технологическими устремлениями – космической программой, призванной расширить историю и традицию горизонтами будущего. Таким образом, космическая программа в Казахстане становится привилегированным инструментом управления идентичностью и продвижения государства.

В стремлении продемонстрировать свою причастность к научно-продвинутой космической программе, которая должна способствовать дальнейшему развитию, государство создает своеобразный фетиш модерности. Связь между космическими технологиями и преобразованием национального самосознания строится на способности артефакта посылать сложное, поливалентное сообщение, это явление А. Аппадурраи (1986) назвал «семиотической

виртуозностью» объекта. Преобразующая сила, характерная для фетиша, связана с верой правящих элит в то, что превращение в космическую нацию принесет изобилие, признание и уважаемый статус на мировой арене. Простое обладание чем-то, что принадлежит Западу, а именно «технологиями богатого мира» (Edgerton, 2006), рассматривается как «синоним воссоздания структур «передового» производства, образа жизни, историй и социального контекста внутри страны» (Кришна, 2009: 72). Предполагается, что технологически продвинутый артефакт, такой как космическая программа в Казахстане, будет не только интегрирован в нарратив национальной идентичности, но и будет описывать траекторию ее будущего развития. Таким образом, космические технологии и обещания светлого будущего нации формируют методы обеспечения этого будущего (Brown, Rappert, & Webster, 2000: 10).

Восприятие советского космического наследия в Казахстане существенно отличается от отношения к ядерному оружию, которые страна унаследовала от СССР и от которых она отказалась в 1993 году. Это решение руководства Казахстана можно рассматривать как форму десоветизации и утверждения нового государственного суверенитета посредством вхождения в мировое сообщество в статусе неядерного государства (Abshaparova, 2011: 1541-1542). Космическое наследие Советского Союза, напротив, было эффективно утилизировано и вовлечено в процесс формирования нового образа казахской нации как ее неотъемлемая часть.

Концепция утилизации подразумевает как «изменение, так и преемственность», что требует своеобразной «структурной устойчивости объекта» в рамках новой формирующейся конфигурации (Bekus, 2017). Она позволяет раскрыть парадоксальную стратегию инвестирования в развитие и прогресс, которая при этом отрицает идею существенной потери (Кендалл и Костер, 2007). Космическое инфраструктурное наследие Казахстана было развито,

доработано и переформатировано для интеграции в новый проект идентичности, в то время как собственно советскость космических технологий, унаследованных страной, была отодвинута на второй план, став лишь одним из множества кирпичиков, используемых в строительстве фундамента амбициозного технологического будущего Казахстана. Такая форма идеологической утилизации резко контрастирует со стратегией «постколониального отчуждения» (Oushakine, 2013) социалистического наследия, которая обусловлена стремлением дистанцировать новый национальный проект от советского прошлого. Эта стратегия лежит в основе многих постсоветских национальных идеологий, а также прослеживается в дискурсе казахстанских элит. Основным источником этого отчуждения является травма политического насилия которая является центрирующим элементом в политикой памяти о жертвах сталинских репрессий и голода 1932-1933 годов.

Смещение внимания в сторону технологических аспектов социалистической модернизации и преобразованиях которые она принесла, ограничивает силу этого нарратива пережитой травмы и позволяет вариативное прочтение советского прошлого. Некоторые ученые рассматривают такую позицию как симптом постколониальной двусмысленности Казахстана (Кудайбергенова, 2016). Однако это также можно интерпретировать как этап сложного пути становления «постколониального модерна», который требует мобилизации технологических ресурсов и использования советского инфраструктурного наследия для построения идентичности независимого Казахстана.

Космическая гонка по казахской степи

Казахстанская земля была выбрана для размещения одной из ключевых площадок советской космической программы – космодрома Байконур, созданного в 1955 году по нескольким параметрам. Близость к экватору, низкая плотность населения, чистые

горизонты обеспечивали орбитальную эффективность — все эти факторы сделали казахскую степь наиболее приемлемым вариантом для строительства космодрома с точки зрения советского правительства. При этом, размещение крупного стартового комплекса советской космонавтики в Казахстане не гарантировало республике каких-либо привилегий в общесоюзной космической иерархии. В отличие от других крупных объектов инфраструктуры, построенных в Центральной Азии, которые служили для ускорения развития региона (Kalinovsky, 2018), а также для форсирования его скрытой интеграции (Хёгселиус, 2021), космическая инфраструктура не была включена в казахстанский технологический ландшафт. Из-за чрезвычайной чувствительности космических технологий в контексте холодной войны и их военного значения, Байконур оставался советским инфраструктурным анклавом, мало связанным с экономикой Казахстана.

Идея отправить казахстанского космонавта в космос возникла только в начале 1980-х годов. Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Динмухаммед Кунаев руководил поиском потенциальных кандидатов в космонавты среди военных летчиков республики. Старт космического полета с казахстанским космонавтом был запланирован в 1985 году и был приурочен к 30-летию Байконура. Однако ни один из отобранных кандидатов не прошел медкомиссию (Нургалиев и Кангожин). В 1986 году Талгат Мусабаев присоединился к программе подготовки космонавтов, но из-за политических волнений в Алматы в том же году его полет в космос не состоялся. В 1989 году обсуждение казахстанского участия в космической программе возобновил Нурсултан Назарбаев, сменивший Кунаева. В своей книге «Путь Казахстана» Н. Назарбаев подчеркнул символизм суверенитета Казахстана, который начался «из самого космоса»:

В преддверии распада Советского Союза, в августе 1991 года космодром «Байконур» был объявлен собственностью республики, в октябре этого же года в космос полетел

первый казахский космонавт, а Декларацию о независимости Казахстана мы приняли в декабре. То есть, о своем намерении стать национальным государством мы, получается, заявили раньше в космосе, чем на земле! (Назарбаев, 2006).

Описывая сложные переговоры с советскими политическими, военными и космическими ведомствами, в том числе с Президентом СССР Михаилом Горбачевым и министром обороны Дмитрием Язовым, Назарбаев подчеркнул политический смысл решения отправить казахстанского космонавта в космос. Он был задуман как форма признания казахского народа как партнера в освоении космоса и его выдающегося вклада в советские технологические достижения. Для советского и позднее российского правительства отправка казахского космонавта в космос была одним из элементов торга в обсуждениях аренды Байконура, которые велись в этот момент.

Формальный статус космодрома Байконур как «остаточного актива» (Cooley, 2001) стал важным вопросом после распада СССР. Он перешел в собственность Казахстана 31 августа 1991 года, но в условиях экономического кризиса начала 1990-х годов, как признавал Назарбаев, содержание Байконура стало тяжелым бременем, которое Казахстан не мог нести самостоятельно. Тем не менее, именно в этот период была сформирована основная институциональная инфраструктура казахстанской космонавтики. Агентство космических исследований Казахской ССР было создано в 1991 году, в 1993 году переименовано в Национальное аэрокосмическое агентство Казахстана, а в 2007 году преобразовано в Национальное космическое агентство «Казкосмос».

В первые годы независимости Н. Назарбаев часто посещал Байконур, и его отношение к космодрому отражало общую логику восприятия советского наследия в стране. Байконур олицетворял научный актив советской космической программы, который можно было использовать для формирования и легитимизации техно-политического будущего независимого Казахстана. В начале

1990-х годов, после того как Советский Союз начал отставать в технологическом и научном соперничестве с Западом (Chan, 2015), программа освоения космоса оказалась, по сути, единственным советским проектом, имеющим мировое признание, и Россия и Казахстан, должны были найти способ объединить свои интересы ради сохранения Байконур.

В рассказанной Назарбаевым истории о придании Байконуру нового статуса как собственности Казахстана не упоминается существовавший тогда альтернативный вариант создания Международного консорциума, который открыл бы доступ к Байконуру не только России и бывшим советским республикам, но и другим иностранным государствам, в том числе США. Делегация Национального управления по авиации и исследованию космического пространства (НАСА) посетила Байконур в январе 1994 года и выразила заинтересованность в прямом сотрудничестве с Казахстаном для доступа на Байконур без вмешательства России (Цехмистренко, 1994). Этот план не был реализован, но сама возможность такого развития событий сигнализировала о появлении альтернативных сценариев для Казахстана, где сотрудничество с Россией было лишь одним из многих путей. В 2009 году казахстанский аналитик Беркимбаев предложил амбициозный проект по превращению Байконура в «глобальный космический хаб», который будет состоять из четырех автономных сегментов, каждый из которых будет предоставлять услуги по запуску космических аппаратов для разных регионов: 1) Россия; 2) арабские государства (Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет, Иордания); 3) европейские государства; и 4) государства Восточной Азии (включая Японию, Южную Корею, Таиланд и Сингапур) (Беркимбаев, 2009). Реализация этого плана способствовало бы переориентации казахстанской экономической системы с экспортно-сырьевой на технологическую. Будучи публично высказанным независимым экспертом, проект, возможно, не был

отражением официальной позиции. Тем не менее, он зафиксировал наличие глобальных стремлений и амбиций в казахстанской техно-политике, сформированных за годы независимости.

Байконур и национальная космическая независимость

В 1994 году Борис Ельцин и Нурсултан Назарбаев подписали договор аренды, согласно которому обязанности и права по управлению Байконуром передаются государственной корпорации «Роскосмос» и ВКС России. Этот договор стал не только беспрецедентным соглашением между двумя суверенными государствами, но и очень проблематичным для Казахстана. В соглашении регулировался статус технологических объектов и земель, а также города Ленинска (переименованного в 1995 году в Байконур) с его постоянным населением, большую часть которого составляли граждане Казахстана. Соглашение подверглось критике в Казахстане за то, что оно было достигнуто под давлением экономических и геополитических обстоятельств, и стало демонстрацией «спорадического» и ограниченного суверенитета Казахстана (Кораск, 2019). Назарбаев описывает аренду как жертву, принесенную ради «сохранения научно-технических и интеллектуальных ресурсов космического комплекса и мирового наследия пилотируемой космической миссии» (Назарбаев, 2006: 317). С его точки зрения, это было также и стратегическое решение с видом на будущую техно-политику независимого Казахстана.

Подчеркивая глобальное значение Байконура, Назарбаев также перестроил иерархию научного космического наследия, включив казахстанское в рамки советского национального научного развития, а советское – в рамки глобального развития, тем самым оставив позади исторический контекст холодной войны. Подчеркивая общее наследие советского освоения космоса, воплощенное в Байконуре («общее детище советского

народа»), этот нарратив подразумевает вовлеченность и активное участие казахов, а также других советских народов в разнообразные советских технологические проекты. Этот стратегический шаг позволил казахстанским элитам интерпретировать наследие советских космических технологий и их инфраструктуру как часть национальных проектов развития.

Вслед за соглашением с Россией, Казахстан подписал несколько международных договоров и соглашений, тем самым став субъектом международного космического права. В 1995 году страна стала членом Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях. В 1997 году Казахстан подписал пять крупных международных соглашений в области освоения космоса.

С 1991 года в космических миссиях участвовали трое казахстанских космонавтов: Т.Аубакиров в 1991 году, Т. Мусабаев в 1994, 1998 и 2001 годах, А. Аимбетов в 2015 году.

Т. Аубакиров, ставший первым казахом в космосе и, по иронии судьбы, последним советским космонавтом, летал в космос под советским флагом и как советский гражданин. Но именно он впервые заговорил на казахском языке из космоса во время сеанса космической связи, и именно он сделал казахский язык – языком космоса (Назарбаев, 2006: 315). Первым космонавтом независимого Казахстана был Т. Мусабаев. В свой первый космический полет он взял с собой на космическую станцию казахстанский флаг, капсулу с казахстанской землей и Коран, которые позже были переданы президенту Н.Назарбаеву в качестве сувениров. Во время своего второго полета Т. Мусабаев стал первым казахским командиром международного космического экипажа. Однако для того, чтобы совершить полет в этой роли, он должен был стать гражданином Российской Федерации в соответствии с Законом о космической деятельности Российской Федерации. Этот шаг был воспринят казахстанской стороной как необходимый компромисс ради будущего космической программы Казахстана

(Назарбаев, 2006: 319). Эти формальные сложности с гражданством не помешали Т. Мусабаеву проявить патриотизм и в самом полете: наряду с государственным символом, традиционно возимым при полетах в космос – флагом Казахстана, он взял с собой в космос Конституцию РК и флаг ведущей казахстанской политической партии Нур Отан. Во время полета Т. Мусабаев принял участие в международном музыкальном фестивале «Азия Дауысы», где исполнил песню казахского поэта Абая, а также принял участие в церемонии открытия новой столицы Казахстана – Астаны 10 июня 1998 года (Кабикизы, 2017).

Эта серия символических жестов может прочитываться как нечто большее, чем проявление патриотизма, переданное из космоса: она демонстрирует тесное переплетение технологий с нарративами национальной идентичности, в которых космос становится новой площадкой для национального строительства. Таким образом, космическая технoполитика Казахстана воспроизводит стремления типичные для постколониальных государств – свести в одно целое науку, современность, и национальную самобытность (Abraham, 1998: 156). Так, слияние традиций с современностью можно было наблюдать в дизайне шевронов для казахстанских космонавтов. Личные шевроны Т. Мусабаева были разработаны Шотэ Валихановым, который также отвечал за разработку государственного герба Казахстана. На одном из первых его шевронов были изображены лебединые крылья с вписанным между ними шаныраком – деревянным ободком, образующим свод традиционной казахской юрты. На втором шевроне – «Кочевник Вселенной», изображен всадник в традиционном казахском костюме, скачущий на коне на фоне космоса и планеты Земля (Нургалиев и Кангожин).

В этих образах космос соединяется с традиционным репертуаром репрезентаций этнической культуры. Благодаря этому, символический и материальный ресурс космической программы используется для

создания новых концепций национальной идентичности, которая обогащается атрибутами космоса, такими как его фронтальность и ассоциация с передовыми технологиями.

Постколониальный фетиш и аффирмативная модернность

3 июля 2010 года, накануне Дня Астаны в Казахстане, в городе была открыта символическая доска, посвященная началу строительства Национального космического центра (НКЦ) Республики Казахстан. Планировалось, что центр станет крупнейшим объектом космической инфраструктуры страны. Среди официальных гостей церемонии были Премьер-Министр РК К. Масимов, Председатель Казкосмоса Т. Мусабаяев, Государственный секретарь Министерства экономики, промышленности и занятости Франции Анн-Мари Идрак, Председатель французской компании EADS Astrium SAS Франсуа Оке. Мероприятие задумывалось как новый этап в развитии технополитики как важного измерения государственности Казахстана. Презентация будущего НКЦ фигурально обещала поставить страну в авангард технологически развитых государств. Присутствие французских бизнесменов играло в этой церемонии особую роль: оно указывало на взаимодействия с партнерами в глобальном контексте освоения космоса за пределами постсоветского сотрудничества. Кроме того, строительство крупного материального объекта космической инфраструктуры в новой столице позволило свести воедино два наиболее значимые репрезентации, отражающие становление Казахстана как современной и процветающей нации.

Наука и технология являются одновременно желаемыми формами современной практики и привилегированными инструментами, обеспечивающими фундаментальные изменения, и в этом качестве они выступают важными инструментами преодоления постколониального

состояния (Abraham 1998, 20). В Казахстане формирование новой рациональности модерна направленной на ускоренное развития, началось с создания мизансцены архитектурных и технологических объектов столицы, призванных трансформировать традиционный национальный ландшафт и его советский налет.

С 1998 года центральная роль в формировании репрезентативного имиджа Казахстана как открытой, современной и глобально ориентированной страны отводилось столице Астане. Через создание городского ландшафта с многочисленными архитектурными шедеврами, созданными ведущими мировыми «звездными архитекторами», казахстанские элиты создали место для концентрации их усилий и стремления к достижениям (Baudrillard, 1981: 33). Феномен Астаны является предметом анализа с различных точек зрения: как инструмент легитимации авторитарного правления, как отражение решимости правительства добиться международного признания и как способ использовать городские репрезентации для национального брендинга (Бекус и Медеуова, 2017). Как и в случае с Бразилией в 1950-х годах, задуманной как «полюс развития» и источник прогресса, распространяющийся по всей территории Бразилии, Астана стала центральным местом для проецирования желаемых образов будущего Казахстана (Laszczkowski, 2011).

Недостаток города, призванного служить «фетишем» модернизации, заключаются в преобладании внешних форм материальной репрезентации, которые начинают работать только после того, как они завершены. Космическая программа, в этом смысле, представляет собой другой тип фетиша, который позволяет демонстрировать возобновляемую практику - постоянное участие в развитии технологий.

Идейность нации и материальность объектов космической инфраструктуры пронизывают друг друга посредством того, что Дюркгейм описывал как «объединяющий сентимент». Особая, «священная» аура

космоса и программ его освоения позволяет ему выступать в качестве государственного фетиша, который создается посредством того различия которое он сам производит; различие это достигается через определенные ритуалы демонстрирующие стремление, достижения и статус, и становится одновременно их манифестацией и замещением, доказательством современности в постколониальном контексте (Abraham, 1998: 156). Благодаря «фундаментальной фетишизированной инверсии» объект, который ранее был просто средством для достижения какой-либо желаемой цели, становится необходимостью, самим воплощением желаемой цели и чем-то, наделенным действенной, исключительной силой для его удовлетворения (Pietz, 1993: 147).

Два основных элемента постколониальной модерности в Казахстане не только дополняют друг друга, соединяя материальную репрезентацию будущего (столица) с практикой инноваций (космос), но и тесно переплетаются сетью множественных символических референций. Первый казахстанский космический комплекс со стартовой площадкой (строительство начато в 2004 году) назван в честь центрального элемента городского ландшафта Астаны «Байтерек» построенного в 2002 год. Выполненный в форме дерева со ссылкой на легенду о «Древе жизни», центральном символе тюркской мифологии, Байтерек представляет собой не только значимой символической инвестицией в новую государственную идеологию, но и стал одним из главных символов столицы. В 2018 году, чтобы выстроить связь между столицей и космической программой, Республиканская ономастическая комиссия назвала четвертый административный район города Астана – «Байконур» (Казахстанская правда, 2018). Строительство объектов НКЦ и Сборочно-испытательного комплекса космических аппаратов в Астане стало проявлением дальнейшего переплетения двух главных фетишей казахстанской постколониальной модерности.

Космическая инфраструктура и связанные с ней артефакты являются материальным свидетельством усилий государственных элит направленных на преобразование нации; таким образом проявляется скрытая темпоральность инфраструктуры, которая заключается в ее привязке к тому будущему, которое она предвосхищает (Appel, Anand & Gupta, 2018). Артефакты космоса, включая стартовую площадку, спутники и Сборочно-испытательного комплекса космических аппаратов, служат символами, но их преобразующая сила связана с реализацией материальных проектов, а также с эмоциональными и аффективными инвестициями, которые раскрываются с течением времени и могут меняться от восторженных и позитивных до негативных и даже критических (Stoler, 2013).

В 2018 году в связи с празднованием 20-летия Астаны и 10-летия первого межправительственного соглашения о сотрудничестве в космосе, подписанного с Францией, Н. Назарбаев посетил новые здания НКЦ. По этому случаю французская компания Airbus Defense & Space провела презентацию выставочного павильона «Между небом и землей» тематического парка «Космический город» в Тулузе. Назарбаев также посетил экспозицию под открытым небом Музея ракетно-космической техники, расположенную на «репрезентативном» левом берегу Астана, занимающую территорию площадью 1,4 га на территории комплекса НКЦ. Полноразмерные макеты ракет «Союз», «Протон», «Зенит» и корабля «Буран» были представлены в рамках экспозиции, созданной Кызылординской областью в рамках проекта «Регионы дарят подарки Астане». Эти материальные объекты в очередной раз связали столицу и космическую программу, вовлекая их в процесс конструирования современности. Они также являются репрезентациями материальности социальных отношений, и выступают фетишем в той мере, в какой они способствуют продвижению в будущее сложившейся социальной системы (Pietz,

1993: 147). Репрезентации столицы и космоса таким образом формируют реальность «материализованного воображения», которое становится новым социальным фактом (Appadurai, 1996: 31). В своем выступлении на Сборочно-испытательном комплексе космических аппаратов в 2018 году Назарбаев подтвердил важную роль космических предприятий в материализации процесса становления будущего для казахстанского общества:

Вместе с нашими французскими партнерами в ближайшее время мы будем собирать собственные спутники. У нас есть собственная система запуска, и ракета «Зенит» будет готова к 2022 году. Таким образом, наша космическая отрасль выходит на новый технологический уровень, и Казахстан становится полноценной космической державой (Бейсембаев, 2018).

Переплетение воедино нового технологического фетиша казахской идентичности – космических технологий – со столицей создает новую реальность, в которой материальные объекты флуктуируют между «вещностью и духом» (Taussig, 1993: 217), между своей физической формой и воображаемым будущим.

Как и в случае с другими постколониальными современными государствами, это будущее может быть достигнуто только за счет смещения его истоков (Abraham, 1998: 156). Так, в Казахстане, советскость унаследованных космических технологий смещается на периферию – что наглядно продемонстрировано в макетах советских ракет, выставленных в музее под открытым небом. Эти модели помещены в альтернативный контекст современного пространства национальной столицы с ее архитектурными шедеврами и вносят свой вклад в создание нового облика Казахстана. Одним из атрибутов постколониального стремления к модерности является признание того, что модерность еще не наступила (Abraham, 1998). Сохранение советского

космического наследия в Казахстане, однако, работает как важный маркер нации, не только стремящейся к состоянию модерности, но и уже в нем пребывающей. В отличие от классического сабалтерна, находящегося в центре «классического» постколониального проекта и «лишенного модерности», Казахстан оказывается в особом положении благодаря своему опыту советской модернизации.

Космос, суверенитет и эко-национализм

Переплетение технологии с политикой никогда не бывает однозначным, и часто провоцирует разнообразные ответы и их конфронтацию. Космическая технополитика Казахстана также оспаривается различными общественными группами и независимыми активистами. Дискурс этих акторов сочетает в себе элементы экологического активизма с новой формой «эко-национализма» (Dawson, 1996), которые направлены против современных форм империализма. Это сочетание образует сильную идеологическую оппозицию не только по отношению к казахстанскому проекту «космической модерности», уходящему корнями в советское прошлое, но и по отношению к системе власти, которая его поддерживает в настоящем.

Организованное сопротивление космической программе, проводимой властями, возникло в Казахстане в 2012 году, когда была создана группа «Анти-Гептил». Название группы указывает на их программное намерение добиться запрета на топливо, используемое в российских ракетах, содержащее высокотоксичный компонент гептил. Свой протест против пагубного воздействия ракетных пусков на природную среду и на жителей регионов группа артикулирует в форме альтернативного политического проекта для Казахстана. Вместо того, чтобы озвучивать свои требования в категориях либеральной экологической справедливости с присущим ей акцентом на глобальных целях защиты окружающей среды (Malloy, 2010), Анти-Гептил представляет защиту окружающей среды как

элемент борьбы за «полную» национальную независимость Казахстана. С одной стороны, это означает борьбу против «эксплуатации» казахстанской степи иностранным государством, то есть Россией, как формой продленной, хотя и закамуфлированной «колонизации». С другой стороны, это подразумевает оппозицию существующей системе власти, которая игнорирует интересы казахского народа, его земли и окружающей среды. Такие откровенно оппозиционные политические требования закрепили за движением репутацию «школы казахстанской демократии» (Almakz.info, 2018).

Экологическая активность в Казахстане имеет историю успешного сотрудничества с властями, когда экологические активисты заключали взаимовыгодные союзы с правящими элитами (Weinthal & Watters, 2010). В конце 1980-х – начале 1990-х годов в Казахстане нарастали протесты против испытаний ядерного оружия в Семипалатинске. Движение «Невада-Семипалатинск», созданное в 1989 году, объединило представителей казахской культурной интеллигенции с местными и международными экологическими активистами. Их кампания за запрет ядерных испытаний и закрытие полигона для испытаний ядерного оружия в Семипалатинске оказалась эффективной. Полигон для ядерных испытаний был закрыт и на его месте был создан Международный исследовательский центр, а движение «Невада-Семипалатинск» осталось в истории как пример успешного взаимодействия локальных активистов с международными экологическими организациями и с правительством Казахстана. Два отдельных направления экологической деятельности, описанные Седерлэфом и Сиварамакришнаном (2006) как космополитическое и «нативистское», были объединены в казахстанском антиядерном активизме, что стало предметом национальной гордости и способствовало консолидации государственной власти в 1990е годы. Более того, в 2005 году правительство Казахстана инициировало процесс включения

движения «Невада-Семипалатинск» в список «Память мира» Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), тем самым подчеркивая глобальное значение эффективного антиядерного партнерства под эгидой правительства.

Социальный и политический контекст, в котором разворачивалась деятельность активистов «Анти-Гептил» сильно отличается от того, в котором создавалось движение «Невада-Семипалатинск». Большинство уличных митингов «Анти-Гептила» сочетает в себе экологические требования с резкими антиправительственными лозунгами и часто заканчиваются арестами и уголовными или гражданскими санкциями для организаторов. Стоит отметить, что создание «Анти-Гептила» свидетельствовало не столько о появлении нового отношения к космической программе в казахстанском обществе, сколько об переходе от того, что Джеймс Скотт (Scott, 1990: 207) называет «скрытым скриптом» недовольства, разделяемого обществом и элитами, к его открытой артикуляции новыми агентами активного сопротивления. Казахские власти были озабочены последствиями взрывов двух российских ракет «Протон» в 1999 году. Они ввели временный запрет на пуски ракетоносителей «Протон» с Байконура, который был снят только после обеззараживания почвы на месте аварий и выплаты компенсаций за ущерб окружающей среде (Сабитов, 2016). Серия подобных аварий и запусков на космодроме в 2007, 2010 и 2013 годах вызвала серьезную напряженность между Роскосмосом и правительством Казахстана. Эти аварии заставили казахские элиты усомниться в целесообразности дальнейшего использования ракет «Протон» на Байконуре и начать переговоры о новых формах компенсации. Кроме того, они стали причиной возврата к идее восстановления контроля Казахстана над космическим комплексом и городом Байконур. Формально декларируемая готовность к продолжению сотрудничества с Россией в космосе и постепенно зреющее среди элит

сопротивление этому сотрудничеству ведет к тому что в политическом поле все чаще избегается открытое признание реальных намерений.

То что существовало в виде завуалированного недовольства среди государственных элит, «Анти-Гептил» превратил в полномасштабную политическую оппозицию самой власти. Протесты в Алматы и Астане часто проходили под антиправительственными лозунгами и под антироссийскими лозунгами, такими как «Нет Евразийскому союзу» или «Да здравствует Крым». Активисты обвиняют Россию в «гептил-геноциде» казахского народа и требуют немедленного закрытия всех российских ракетных стартов на территории Казахстана. В 2013 году активисты «Анти-Гептила» преобразовали движение в коалицию, в которую вошли более 80 членов группы «Невада-Семипалатинск», правозащитники, независимые профсоюзные деятели и исламские религиозные активисты. Заявленной целью коалиции стало закрытие космодрома Байконур, прекращение деятельности всех военных полигонов, используемых Российской Федерацией на территории Казахстана, а также выплата компенсации ущерба, причиненного казахстанцам в результате космических и ракетных пусков.

В 2015 году массовая гибель сайгаков в Казахстане была связана «Анти-Гептилом» с вредным воздействием российских ракет, запущенных на Байконуре (Шарипжанов и Шароградский, 2015), хотя официальное правительственное расследование, подкрепленное независимыми международными расследованиями, не нашло этому подтверждения. Другим ключевым игроком в сфере экологического активизма стали неправительственная организация «Байконур за права человека» и экологическая организация «Байконур Эко Мониторинг» (2015), возглавляемые М. Даулетбаевым. Их основные требования касаются восстановления разрушенной окружающей среды за счет средств Российской Федерации и возмещения

морального вреда всем пострадавшим. Кроме того, в 2016 году, когда в Казахстане проходили массовые акции протеста против изменений в Земельном кодексе, которые позволили бы иностранцам арендовать землю на 25 лет, «Байконур за права человека» инициировал судебное разбирательство по оспариванию законности соглашения между Россией и Казахстаном об аренде Байконура. Деятельность обеих организаций, «Байконур за права человека» и «Анти-Гептил», однако, редко выходит за пределы Астаны, Алматы и тех территорий Кызылординской области, которые непосредственно пострадали от запусков ракет (Черных и Фоминых, 2017).

Несмотря на некоторое сходство с антиядерным движением в эпоху позднего социализма, которое, согласно Ж. Доусон (1996) создало каналы для трансляции антисоветских настроений и недовольства господством Москвы над различными народами, кампании против Байконура во многом от него отличается. В отличие от украинского Чернобыля и казахстанского Семипалатинска, Байконур представляет собой не только наследие рухнувшей системы, но и все еще действующий технологический и коммерческий актив, который продолжает играть ключевую роль в мировой космической отрасли. Кроме того, и «Байконур за права человека», и движение «Анти-Гептил» эффективно сочетают геополитические требования с сопротивлением космической технополитике, проводимой их собственным государством. Использование традиционных народных костюмов и изображений дикой природы (включая погибших сайгаков) в уличных акциях «Анти-Гептил» переводит защиту окружающей среды в дискурс этнической идентичности, который сочетается с природой и ландшафтом, а также опосредуется ими. Этот «нативистский» подход к национальной идентичности формирует национализм как форму сопротивления собственным элитам (Castells, 1997: 30), а также несогласие с их идеей нации, ориентированной на науку и технологии, вписанной в дискурс постколониальной модерности.

Кроме того, казахстанские активисты также размещают свой проект экологического национализма в контексте глобальной экологической нестабильности, позиционируя себя, таким образом, в роли «казахстанского Гринписа». На встрече активистов «Анти-Гептил» в 2015 году со Специальным докладчиком ООН по опасным веществам Баскутом Тунчаком они обвинили казахстанское руководство в том, что оно представляет серьезную экологическую угрозу не только казахстанскому народу, но и всему миру (Shamshet, 2015). То, каким образом казахстанские активисты глобализируют свою локальное экологическое сопротивление, подтверждает утверждение Бруно Латура (1993) о том, что четкое различие между глобальным и локальным становится все более проблематичным, поскольку «почти все является в некотором смысле и тем и другим».

Этот конфликт раскрывает напряженность между современной технopolитикой, направленной на обеспечение технологического прогресса как того требуют глобальные условия, авторитарной социо-политикой, стремящейся построить национальную идею на фундаменте инновационных практик науки и техники, и экологическим национализмом, который объединяет дискурс локализованной национальной идентичности с природой, ландшафтом и экосистемой.

Заключение

Целью этой статьи является анализ технopolитики космоса в национальном и государственном строительстве в Казахстане как своеобразного симптома постколониальной модерности. Как показывает мировой опыт, в условиях государств недавно получивших независимость, элиты приводят в движение разнообразные механизмы национального строительства. Это влечет за собой масштабную работу по управлению процессами формирования идентичности, которая сопровождается

щедрыми символическими инвестициями в репрезентацию национальной культуры, ее самобытности и традиции. В этом контексте, продвижение технологических проектов, в том числе развитие космической программы, можно рассматривать как еще одно измерение этих процессов, привносящее в национальный континуум репрезентацию вектора темпоральности ориентированного в будущее.

Космические амбиции «полупериферийных» стран также являются ответом на новые вызовы и условия глобального мира, в котором участие в освоении космоса и получение доступа к космическим технологиям служит важным маркером статуса и степени развитости страны. Участие в космической деятельности – от создания космической инфраструктуры до отправки космонавтов в космос – оказывается важной формой современной инновационной практики и привилегированным инструментом развития.

На основе существующих теоретизаций в постколониальных исследованиях науки и технологии, технopolитика космоса рассматривается в этой статье как пример постколониального фетиша модерности. Для него характерны значительные символические инвестиции, направленные на соединение идеи национальной идентичности с наукой и технологией и создание новой реальности современной, технологически развитой нации. В статье показано, что в своем проекте статья космической державой Казахстан повторяет основные доводы и аргументы, которые стояли за развитием ядерных и космических программ в странах Азии, Латинской Америки или арабского мира.

Важным фактором, повлиявшим на технopolитическую повестку дня казахстанских правящих элит, стала историческая роль Казахстана в космической гонке времен холодной войны, а также передача в собственность государства Байконура как центральный объект советской космической инфраструктуры. Отношение к советскому космическому наследию воспроизводит общую казахстанскую стратегию

присвоения и адаптации советского опыта в новых условиях модерности. Эта стратегия позволила Казахстану сохранить элементы социалистического прошлого в рамках национального модернизационного нарратива, тем самым избегая возврата к статусу нации до-модерна.

В связи с ростом новых космических инициатив и проектов в странах Центральной Азии и на постсоветском пространстве статья может стать отправной точкой для дальнейшего изучения вклада этого региона в сложную динамику глобального рынка космических технологий.

Список литературы

- «Антигептил – школа казахской демократии – 1». [Электрон. ресурс]. – 2016. – URL: <https://almakz.info/2018/07/11/%D0%B0%D0%BD> (дата обращения: 01.04.2022).
- Abraham I. *The Making of the Indian Atomic Bomb*. – London: Zed Books, 1998. – 300 p.
- Abshaparova A. «Denuclearisation Practices of Kazakhstan: Performing Sovereign Identity, Preserving National Security». – *Review of International Studies*. – 2011. – P. 1537–1553.
- Andrews, J. T., A. A. Siddiqi. *Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture*. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. – 210 p.
- Appadurai A. *Modernity at Large*. – Minneapolis: Minnesota University Press. – 200 p.
- Appel N., H. Anand A. Gupta. *The Promise of Infrastructure*. – Durham: Duke University Press, 2008. – 200 p.
- Arnold D. *Science, Technology and Medicine in Colonial India*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 100 p.
- Baudrillard J. *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. – St. Louis: Telos Press, 1981. – 100 p.
- Bekus N. «Ideological Recycling of the Socialist Legacy. Reading Townscapes of Minsk and Astana». – *Europe–Asia Studies*. – 2017. – P. 794–818.
- Bekus N., K. Medeuova. «Re-interpreting National Ideology in the Contemporary Urban Space of Astana». *Urbanities*. – P. 10–21.
- Brown, N., B. Rappert, and A. Webster. 2000. «Introducing Contested Futures: From Looking Into the Future to Looking at the Future». In *Contested Futures*, edited by N. Brown, B. Rappert, and A. Webster. – London: Routledge. – P. 3–20.
- Castells M. *The Information Age: Economy, Society, and Culture, Vol II, The Power of Identity*. – Oxford: Blackwell, 1997. – 100 p.
- Chan C.L. «Fallen Behind: Science, Technology and Soviet Statism». *Intersect*. – 2015. – P.1–11.
- Cooley A. «Imperial Wreckage: Property Rights, Sovereignty, and Security in the Post-Soviet Space». *International Security*. – P. 100–127.
- Dawson J. *Eco-nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. Durham: Duke University Press, 1996. – 100 p.
- Determann J.M. *Space Science and the Arab World*. London: I. B. Tauris. 2018. – P. 12.
- Dubow S. *A Commonwealth of Knowledge: Science, Sensibility and White South Africa 1820–2000*. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 100 p.
- Edgerton D. *The Shock of the Old: Technology and Global History Since 1900*. – London: Profile Books, 2006. – 115 p.
- Gagliardone I. «‘A Country in Order’: Technopolitics, Nation-Building and the Development of ICT in Ethiopia». *Information Technologies & International Development*. – 2014. – P. 3–19.
- Haaretz. «This week in Haaretz 1961. ‘Israel Launches a Rocket into a Space’». Haaretz. [Web resource]. – 2022. – URL: <https://www.haaretz.com/1.5145733>. (accessed 29.11.2022).
- Högselius P. «The Hidden Integration of Central Asia». Submitted to *Central Asian Survey*. – 2021.
- Inform.kz. 2021, February 10. «Kazakh President: Confident that joint space program of Kazakhstan and UAE will be successful». [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: https://www.inform.kz/en/kazakh-president-confidentthat-joint-space-program-of-kazakhstan-and-uae-will-be-successful_a3751731. (дата обращения: 15.07.2022).

Kalinovsky A. *Laboratory of Socialist Development: Cold War Politics and Decolonization in Soviet Tajikistan*. Ithaca: Cornell University Press, 2018. – 115 p.

Kellner D. «Globalisation, Technopolitics and Revolution». *Theoria: A Journal of Social and Political History* 98. – 2001. – P. 14-34.

Kendall T., K. Koster. «Critical Approaches to Cultural Recycling Introduction». *Other Voices* 3 (1). [Web resource]. – 2022. – URL: <http://www.othervoices.org/3.1/guesteditors/index.php>. (accessed 01.04.2022).

Kopack R. A. 2019. «Rocket Wastelands in Kazakhstan: Scientific Authoritarianism and the Baikonur Cosmodrome». *Annals of the American Association of Geographers*. – 2019. – P. 556–567.

Krishna S. «The Social Life of a Bomb. India and the Otology of ‘Overpopulated’ Society». In *South Asian Cultures of the Bomb: Atomic Publics and the State in India and Pakistan*, edited by I. Abraham, 68–88. Bloomington: Indiana University Press, 2009. – 200 p.

Kudaibergenova D.T. «The Use and Abuse of Postcolonial Discourses in Post-Independent Kazakhstan». *Europe-Asia Studies*. – 2016. – P. 917–935.

Laszczkowski M. «Building the Future: Construction, Temporality and Politics in Astana». *Focaal*. – 2011. – P. 77–92.

Malloy T.H. «Minority Environmentalism and Eco-Nationalism in the Baltics: Green Citizenship in the Making?» In *Contemporary Environmentalism in the Baltic States: From Phosphate Springs to ‘Nordstream’*, edited by D. J. Galbreath. – London: Routledge, 2010. – P. 95–114.

Mieczkowski Y. *Eisenhower’s Sputnik Moment: The Race for Space and World Prestige*. Ithaca: Cornell University Press, 2013.

Oushakine S. 2013. «Postcolonial Estrangements: Claiming a Space between Stalin and Hitler». In *Rites of Place: Public Commemoration in Russia and Eastern Europe*, edited by J. Buckler, and E. Johnson. – P. 285-314.

Perkovich G. *India’s Nuclear Bomb: The Impact on Global Proliferation*. Berkeley: University of California Press, 1999. – P. 5.

Pietz W. «Fetishism and Materialism: The Limits of Theory in Marx». In *Fetishism as Cultural Discourse*, edited by E. Apter and W. Pietz. – Ithaca: Cornell University Press, 1993. – P. 119–151

Sage D. *How Outer Space Made America: Geography, Organization and the Cosmic Sublime*. London: Ashgate, 2014.

Schatz E. «Transnational Image Making and Soft Authoritarian Kazakhstan». *Slavic Review*. – 2008. – P. 50–62.

Scott J. C. *Domination and the Art of Resistance. Hidden Transcripts*. – New Haven and London: Yale University Press, 1990. – 100 p.

Shamshet U. «Antiheptil na vstreche so specokladchikom OON po toksichnym otkhodam» [Web resource]. – 2022. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9UIQVRUEJ8k>. (accessed 01.04.2022).

Stoler A. L. *Imperial Debris: On Ruins and Ruination*. – Durham: Duke University Press, 2013. – 100 p.

Taussig M. «Maleficium: State Fetishism». In *Fetishism as Cultural Discourse*. – Ithaca: Cornell University Press, 1993. – P. 217–247.

Weinthal, E., K. Watters. «Transnational Environmental Activism in Central Asia: The Coupling of Domestic Law and International Conventions». *Environmental Politics*. – 2010. – P. 782–807.

Бейсембаев, Динмухамед. 2018, 2 июля. «Президенту показали, как работает испытательный комплекс космических аппаратов в Астане». *Informburo.kz*. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://informburo.kz/novosti/prezidentupokazali-kak-rabotaet-ispytatelnyy-kompleks-kosmicheskikh-apparatov-v-astane.html>. (дата обращения: 01.04.2022).

Беркимбаев А. «Космодром Байконур – новый взгляд на развитие Казахстана». [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://zonakz.net>. (дата обращения: 01.04.2022).

Бисенова А., К. Медеуова. «Давление метрополии и тихий национализм академических практик». – 2016. – P. 207–255.

Кабыкызы С. 2017, 10 июня. «Как Астане пели песню из космоса». *Kazinform*. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: http://lenta.inform.kz/ru/kak-astane-peli-pesnyu-iz-kosmosa_a3034810. (дата обращения: 01.04.2022).

Казахстанская правда. «Район Байконур в Астане официально утвержден». *Казахстанская правда*. – 2018. – С. 10.

Назарбаев Н. *Казахстанский путь*. – Караганда: Арко, 2006. – 369 с.

Сабитов Д. 2016. Казахстанский космос. Реальность и перспективы. Астана: Институт мировой экономики и политики. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: https://www.researchgate.net/publication/344726565_Kazhastanskij_kosmos_realnost_i_perspektivy. (дата обращения: 01.04.2022).

Цехмистернко С. «Между Москвой и Алма-Атой пролегла байконурская степь». Коммерсант. – 1994. – С.12.

Черных И.А., Фоминых А.Е. «Дискурсы ядерного нераспространения в Центральной Азии». Ядерный мир: новые вызовы режиму ядерного нераспространения. – Екатеринбург: Уральский университет, 2017. – С. 204–217.

Шарипжанов М., Шароградский А. «Сайгаки гибнут рядом с Байконуром». Радио Свобода. Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <http://www.svoboda.org/a/27047595.html> (дата обращения: 01.04.2022).

Нелли Бекус

Эксетер университеті, Эксетер, Ұлыбритания

Қазақстандағы ғарыштық техносаясат және постколониялық қазіргі заман

Аңдатпа. Бұл мақалада посткеңестік Қазақстандағы ғарыштық техносаясаттың рөлі талқыланады. Қазақстанның технологиялық дамыған мемлекет ретіндегі имиджін жасауға арналған қазіргі заманның отаршылдықтан кейінгі фетишіне, ғаламдық маңызы бар технологиялық артефактқа ғарыш кеңістігі қалай айналады деген мәселе зерттелуде. Мақалада еліміздің ғарыштық державаға айналу жобасында Жаһандық Оңтүстік елдерінің постколониялық контекстінде ядролық және ғарыштық бағдарламаларды дамытуға түрткі болған негізгі ынталандыруларды қайталағаны көрсетілген. Мақалада Ресеймен ынтымақтастығы Қазақстанға одан алыстамай, кеңестік ғарыштық мұрадан өз үлесін алуға қалай мүмкіндік беретінін қарастырады. Зерттеуде сонымен қатар посткеңестік контекстен тыс қазақстандық ғарыш бағдарламасында жаңа интернационализмнің өсуін көрсетеді. Мақала постколониялық техносаясатты талқылауға үлес қосады және технология мен ғылымның көмегімен отаршылдық пен дәстүрден кейінгі ұлттық идеологиялардың дәстүрлі саласын кеңейту үшін ғарыш кеңістігі қалай пайдаланылғанын көрсетеді. Соңында, Қазақстандағы азаматтық қоғамның әртүрлі топтары арасында ғарыш бағдарламасына қарсылықтың қалай өсіп келе жатқанын көрсетеді, бұл қоршаған ортаны қорғау күн тәртібінің терең антиимпериялық және сайып келгенде антиавторитарлық саяси дискурсқа енген «эко-ұлтшылдықпен» тығыз байланысын көрсетеді.

Түйін сөздер: отаршылдықтан кейінгі модернизм; ғарыш; техносаясат; Қазақстан; ұлтшылдық; интернационализм.

Nelly Bekus

University of Exeter, Exeter, United Kingdom

Outer space techno-politics and postcolonial modernity in Kazakhstan

Abstract. This article examines the role of outer space technopolitics in post-Soviet Kazakhstan. It explores how outer space, the technological artefact of global relevance, works as a postcolonial fetish of modernity that is called upon to produce what it represents, that is, the reality of a technologically advanced Kazakh nation. The article shows that in its project of becoming a spacefaring nation the country reiterates major incentives that have motivated nuclear and space programme development in the postcolonial context of the Global South. It explores how collaboration with Russia allows Kazakhstan to claim its share in the Soviet space legacy rather than to distance itself from it. The study then traces the rise of a new internationalism in the Kazakhstani space programme outside the post-Soviet context. The article contributes to the debate on postcolonial technopolitics and shows how outer space has been used to enhance the conventional domain of postcolonial national ideologies – nativism and tradition – with technology and science. Finally, it depicts how the growing resistance to the space programme among Kazakh civil society groups reveals a close association of the environmental

agenda with an 'eco-nationalism' permeated by a profoundly anti-imperial and, ultimately, anti-authoritarian political discourse.

Keywords: postcolonial modernity; outer space; techno-politics; Kazakhstan; nationalism; internationalism.

References

«Antigeptil – shkola kazahskoj demokratii – 1» [Antigeptil - School of Kazakh Democracy], Available at: <https://almakz.info/2018/07/11/%D0%B0%D0%BD> [in Russian]. (accessed 01.04.2022).

Abraham I. *The Making of the Indian Atomic Bomb*. (London, Zed Books, 1998, 300 p.).

Abshaparova A. «Denuclearisation Practices of Kazakhstan: Performing Sovereign Identity, Preserving National Security». *Review of International Studies*. 2011. P. 1537–1553.

Andrews, J. T., A. A. Siddiqi. *Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture*. (Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2011, 210 p.).

Appadurai A. *Modernity at Large*. (Minneapolis, Minnesota University Press, 200 p.).

Appel N., H. Anand A. Gupta. *The Promise of Infrastructure*. (Durham, Duke University Press, 2008, 200 p.).

Arnold D. *Science, Technology and Medicine in Colonial India*. (Cambridge, Cambridge University Press, 2011, 100 p.).

Baudrillard J. *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. (St. Louis, Telos Press, 1981, 100 p.).

Bekus N. «Ideological Recycling of the Socialist Legacy. Reading Townscapes of Minsk and Astana». *Europe–Asia Studies*. 2017. P. 794–818.

Bekus N., K. Medeuova. «Re-interpreting National Ideology in the Contemporary Urban Space of Astana». *Urbanities*. P. 10–21.

Brown, N., B. Rappert, and A. Webster. 2000. «Introducing Contested Futures: From Looking Into the Future to Looking at the Future». In *Contested Futures*, edited by N. Brown, B. Rappert, and A. Webster. London, Routledge. P. 3–20.

Castells M. *The Information Age: Economy, Society, and Culture, Vol II, The Power of Identity*. (Oxford, Blackwell, 1997, 100 p.).

Chan C.L. «Fallen Behind: Science, Technology and Soviet Statism». *Intersect*. 2015. P.1–11.

Cooley A. «Imperial Wreckage: Property Rights, Sovereignty, and Security in the Post-Soviet Space». *International Security*. P. 100–127.

Dawson J. *Eco-nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. (Durham, Duke University Press, 1996, 100 p.).

Determann J.M. *Space Science and the Arab World*. London: I. B. Tauris. 2018. P. 12.

Dubow S. *A Commonwealth of Knowledge: Science, Sensibility and White South Africa 1820–2000*. (Oxford, Oxford University Press, 2006, 100 p.).

Edgerton D. *The Shock of the Old: Technology and Global History Since 1900*. (London, Profile Books, 2006, 115 p.).

Gagliardone I. «‘A Country in Order’: Technopolitics, Nation-Building and the Development of ICT in Ethiopia». *Information Technologies & International Development*. 2014. P. 3–19.

Haaretz. «This week in Haaretz 1961. ‘Israel Launches a Rocket into a Space’». Haaretz. Available at: <https://www.haaretz.com/1.5145733>. (accessed 29.11.2022).

Högselius P. «The Hidden Integration of Central Asia». Submitted to *Central Asian Survey*. 2021.

Inform.kz. 2021, February 10. «Kazakh President: Confident that joint space program of Kazakhstan and UAE will be successful». Available at: https://www.inform.kz/en/kazakh-president-confidentthat-joint-space-program-of-kazakhstan-and-uae-will-be-successful_a3751731. (accessed 15.07.2022).

Kalinovsky A. *Laboratory of Socialist Development: Cold War Politics and Decolonization in Soviet Tajikistan*. (Ithaca, Cornell University Press, 2018, 115 p.).

Kellner D. «Globalisation, Technopolitics and Revolution». *Theoria: A Journal of Social and Political History* 98. 2001. P. 14–34.

Kendall T., K. Koster. «Critical Approaches to Cultural Recycling Introduction». *Other Voices* 3 (1). Available at: <http://www.othervoices.org/3.1/guesteditors/index.php>. (accessed 01.04.2022).

Kopack R. A. 2019. «Rocket Wastelands in Kazakhstan: Scientific Authoritarianism and the Baikonur Cosmodrome». *Annals of the American Association of Geographers*. 2019. P. 556–567.

Krishna S. «The Social Life of a Bomb. India and the Otology of ‘Overpopulated’ Society». In *South Asian Cultures of the Bomb: Atomic Publics and the State in India and Pakistan*, edited by I. Abraham, 68–88. Bloomington: Indiana University Press, 2009, 200 p.).

Kudaibergenova D.T. «The Use and Abuse of Postcolonial Discourses in Post-Independent Kazakhstan». *Europe–Asia Studies*. 2016. P. 917–935.

Laszczkowski M. «Building the Future: Construction, Temporality and Politics in Astana». *Focaal*. 2011. P. 77–92.

Malloy T.H. «Minority Environmentalism and Eco-Nationalism in the Baltics: Green Citizenship in the Making?» In *Contemporary Environmentalism in the Baltic States: From Phosphate Springs to ‘Nordstream’*, edited by D. J. Galbreath. London, Routledge, 2010. P. 95–114.

Mieczkowski Y. *Eisenhower’s Sputnik Moment: The Race for Space and World Prestige*. (Ithaca, Cornell University Press, 2013).

Oushakine S. 2013. «Postcolonial Estrangements: Claiming a Space between Stalin and Hitler». In *Rites of Place: Public Commemoration in Russia and Eastern Europe*, edited by J. Buckler, and E. Johnson. P. 285–314.

Perkovich G. *India’s Nuclear Bomb: The Impact on Global Proliferation*. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 5.

Pietz W. «Fetishism and Materialism: The Limits of Theory in Marx». In *Fetishism as Cultural Discourse*, edited by E. Apter and W. Pietz. Ithaca: Cornell University Press, 1993. P. 119–151

Sage D. *How Outer Space Made America: Geography, Organization and the Cosmic Sublime*. London: Ashgate, 2014.

Schatz E. «Transnational Image Making and Soft Authoritarian Kazakhstan». *Slavic Review*. 2008. P. 50–62.

Scott J. C. *Domination and the Art of Resistance. Hidden Transcripts*. New Haven and London: Yale University Press, 1990. 100 p.

Shamshet U. «Antiheptil na vstreche so specokladchikom OON po toksichnym otkhodam» Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=9UIQVRUEJ8k>. (accessed 01.04.2022).

Stoler A. L. *Imperial Debris: On Ruins and Ruination*. (Durham, Duke University Press, 2013, 100 p.).

Taussig M. «Maleficium: State Fetishism». In *Fetishism as Cultural Discourse*. Ithaca: Cornell University Press, 1993. P. 217–247.

Weinthal E., K. Watters. «Transnational Environmental Activism in Central Asia: The Coupling of Domestic Law and International Conventions». *Environmental Politics*. 2010. P. 782–807.

Bejsembaev, Dinmuhamed. 2018, 2 ijulja. «Prezidentu pokazali, kak rabotaet ispytatel’nyj kompleks kosmicheskikh apparatov v Astane». *Informburo.kz*. [The president was shown how the spacecraft test facility in Astana works]. Available at: <https://informburo.kz/novosti/prezidentupokazali-kak-rabotaet-ispytatelnyy-kompleks-kosmicheskikh-apparatov-v-astane.html>. [in Russian]. (accessed 01.04.2022).

Berkimbaev A. «Kosmodrom Bajkonur – novyj vzgljad na razvitie Kazahstana» [Baikonur Cosmodrome - a new look at Kazakhstan’s development]. Available at: <https://zonakz.net>. [in Russian]. (accessed 01.04.2022).

Bisenova A., K. Medeuova. «Davlenie metropolii i tihij nacionalizm akademicheskikh praktik» [The pressure of the metropolis and the quiet nationalism of academic practices]. 2016. P. 207–255, [in Russian].

Kabikyzy S. «Kak Astane peli pesnju iz kosmosa». *Kazinform*. [How Astana sang a song from space]. *Kazinform*. Available at: http://lenta.inform.kz/ru/kak-astane-peli-pesnyu-iz-kosmosa_a3034810. [in Russian]. (accessed 01.04.2022).

Kazahstanskaja pravda. «Rajon Bajkonur v Astane oficial’no utverzhden». *Kazahstanskaja Pravda* [Baikonur district in Astana officially approved]. *Kazahstanskaya Pravda*. 2018. P. 10, [in Russian].

Nazarbaev N. *Kazahstanskij put’ [Kazakhstan’s way]*, (Karaganda, Arko, 2006, 369 p.), [in Russian].

Sabitov D. 2016. *Kazahstanskij kosmos. Real’nost’ i perspektivy*. Astana: Institut mirovoj jekonomiki i politiki. [Kazakhstan Space. Reality and prospects. Astana: Institute of World Economy and Politics]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/344726565_Kazahstanskij_kosmos_realnost_i_perspektivy. [in Russian]. (accessed 01.04.2022).

Cehmisternko S. «Mezhdju Moskvvoj i Alma-Atoj prolegla bajkonurskaja step’». *Kommersant* [Between Moscow and Alma-Ata the Baikonur steppe runs]. 1994. P.12, [in Russian].

Chernyh I.A., Fominyh A.E. «Diskursy jadernogo nerasprostraneniya v Central'noj Azii». Jadernyj mir: novye vyzovy rezhimu jadernogo nerasprostraneniya [Nuclear Nonproliferation Discourses in Central Asia. Nuclear World: New Challenges to the Nuclear Non-Proliferation Regime]. (Ekaterinburg, Ural'skij universitet, 2017, P. 204–217), [in Russian].

Sharipzhanov M., Sharogradkij A. «Sajgaki gibnut rjadom s Bajkonurom». Radio Svoboda. [Saigas die near Baikonur». Radio Liberty]. 2022. Available at://www.svoboda.org/a/27047595.html [in Russian]. (accessed 01.04.2022).

Сведения об авторах:

Нелли Бекус – Ph.D., преподаватель университета Эксетер, Эксетер, Великобритания.

Nelly Bekus – Ph.D., lecturer of the University of Exeter, Exeter, United Kingdom.